

·thebigbook·

ОТКРЫТИЕ ВЕДЬМ

ТЕНЬ НОЧИ

КНИГА ЖИЗНИ

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

КНИГА ЖИЗНИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
X 21

Deborah Harkness
THE BOOK OF LIFE

Copyright © Deborah Harkness, 2014

All rights reserved

This edition published by arrangement with Viking, an imprint of Penguin
Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского Игоря Иванова

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-13806-3

© И. Б. Иванов, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Карен.
Она знает, по какой причине*

Выживает не самый сильный и не самый умный, а тот,
кто лучше всех приспосабливается к изменениям.

*Слова Филиппа де Клермона,
часто приписываемые Чарльзу Дарвину*

Солнце в Раке

Знак Рака имеет отношение к домам, землям, сокровищам и всему, что скрыто. Это четвертый знак зодиака. Он знаменует смерть и конец событий.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсалвиша, № 4890, лист 8^{rt}*

¹ Значки «г» и «v» вверху номера листа обозначают соответственно его правую и левую сторону. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Глава 1

Призраков не напрасно называли бесплотными. Все они состояли лишь из воспоминаний и сердца. Стоя на крыше одной из круглых башен Сет-Тура, Эмили Метер прижала прозрачную руку к груди, к тому месту, где и сейчас тяжким камнем лежал пережитый ужас.

«Мне когда-нибудь станет легче? — Ее голос, как и очертания ее призрачного тела, был едва уловимым. — Неужели я так и буду наблюдать, ждать и знать?»

«Я что-то не заметил перемен», — коротко ответил Филипп де Клермон.

Он устроился рядом с Эмили и внимательно разглядывал свои прозрачные пальцы. Многое ему не нравилось в его нынешнем, призрачном состоянии. Он не мог обнять свою жену Изабо. Мир потерял для него запахи и вкусы. Исчезло его сильное, крепкое тело, а как славно было бы сейчас помахать мечом на поединке. Но сильнее всего Филиппа угнетала невидимость. Невидимость постоянно напоминала ему о безвозвратно утраченной значимости.

У Эмили вытянулось лицо, и Филипп мысленно себя обругал. С момента своей гибели эта ведьма была его постоянной спутницей, деля вместе с ним одиночество. О чем он думал, рвякая на нее, как на служанку?

«Когда они совсем перестанут в нас нуждаться, быть может, тогда и нам полегчает», — уже мягче произнес Филипп.

Хотя он и был более опытным призраком, Эмили лучше понимала метафизику их положения. Рассказанное ведьмой шло вразрез со всеми представлениями Филиппа о загробном мире. Он считал, что живые видят мертвых, поскольку живым от них что-то нужно: помощи, прощения, воздаяния. Эмили называла

такие представления заурядными человеческими мифами. Только когда живые откажутся от подобных мифов, мертвые смогут появляться перед ними.

Филиппа десятками лет угнетало то, что Изабо не ощущает его присутствия. Слова ведьмы успокоили его, но лишь отчасти.

— Жду не дожусь, чтобы рассказать Эмили. Представляю, какое будет у нее лицо, когда она узнает.

Сочный низкий голос Дианы поднимался вверх, достигая па-рапетов башни.

«Диана и Мэтью», — в унисон произнесли Эмили и Филипп, глядя на мощный двор, окружавший замок.

«Вот они», — сказал Филипп, указывая в сторону проезда.

Его вампирское зрение даже в призрачном состоянии оставалось острее, нежели зрение ведьм. К тому же он не утратил прежнего обаяния. Широкие плечи, дьявольская улыбка. Увидев ее, Эмили просто не могла не улыбнуться в ответ.

«Правда, чудесная пара? Посмотри, как сильно изменился мой сын».

Время не меняло внешнего облика вампиров. Эмили ждала, что увидит те же черные волосы, отливающие синевой, те же переменчивые серо-зеленые глаза, холодные и отрешенные, как зимнее море, ту же бледную кожу и широкий рот. Но предположения Филиппа подтвердились. Волосы Мэтью стали короче, он отпустил бороду, делавшую его облик еще опаснее. Сейчас он чем-то был похож на пирата. Эмили шумно вздохнула (насколько призраки умеют шумно вздыхать).

«Никак Мэтью стал... шире в плечах?»

«Да. Когда они с Дианой были здесь в тысяча пятьсот девяностом году, я хорошенько отделал его во время поединка. Книжки его размягчили. Я еще тогда сказал Мэтью, что ему нужно поменьше читать и побольше сражаться».

Филипп всегда был против «избыточной учености». Мэтью служил живым подтверждением отцовских представлений.

«Диана тоже изменилась. Эти длинные волосы медного оттенка делают ее больше похожей на мать», — сказала Эмили, заметив самые впечатляющие перемены в своей, пусть и неродной, племяннице.

Диана зацепилась за выбоину в камне и споткнулась. Мэтью тут же протянул руку, удерживая ее от падения. Прежде Эмили

считала поведение Мэтью обычным вампирским стремлением окружить сверхзаботой тех, кто им дорог. Состояние призрака обострило ее проницательность. Эмили поняла, чем вызвана такая сверхзабота. Мэтью с необычайной чуткостью улавливал малейшие изменения в лице Дианы, каждое колебание ее настроения. Стоило ей слегка устать или проголодаться, как Мэтью уже это знал. Однако сегодня забота Мэтью показалась Эмили более целенаправленной и обостренной.

«У Дианы не только волосы изменились. — Лицо Филиппа приняло благоговейное выражение. — Диана носит ребенка. Ребенка Мэтью».

Эмили тщательнее присмотрелась к племяннице. Среди прочего смерть усилила ее способность видеть и чувствовать правду. Филипп увидел лишь часть правды, касающейся состояния его невестки.

«Ты хотел сказать „детей“. Диана беременна двойней».

«Двойня», — таким же благоговейным тоном произнес Филипп.

Как всегда, появление жены поколебало его спокойствие.

«Смотри, их встречают Изабо, Сара, Софи и Маргарет».

«Филипп, что теперь будет?» — спросила Эмили, на сердце которой стало еще тяжелее, ибо она предчувствовала дальнейшее развитие событий.

«Окончание. Начало, — уклонился от прямого ответа Филипп. — Перемены».

«Диана терпеть не могла перемены», — сказала Эмили.

«Потому что ее страшит то, кем она должна стать», — ответил Филипп.

Вампиром Маркуса Уитмора сделал Мэтью. Было это в 1781 году. После ночи своего превращения Маркус успел повидать более чем достаточно ужасов. Однако ни один из них не шел в сравнение с сегодняшней пыткой: сообщить Диане Бишоп, что ее любимой тетки Эмили Метер нет в живых.

Изабо позвонила Маркусу, когда он с Натаниэлем Уилсоном смотрели телевизор в семейной библиотеке. Там же, на диване, мирно спали жена Натаниэля Софи и их трехмесячная дочка Маргарет.

— Храм, — изменившимся голосом выдохнула Изабо. — Немедленно отправляйся туда.

Маркус безоговорочно подчинился приказу бабушки, задержавшись ровно настолько, чтобы позвать с собой двоюродного брата Галлогласа и тетку Верену.

Чем ближе к вершине горы, на которой находились развалины храма, тем светлее делался сумрак летней ночи. То был свет, излучаемый сверхъестественной силой. Маркус видел лишь сполохи между деревьями, но ему хватило и этого. Воздух был настолько густо пропитан магией, что у Маркуса волосы стали дыбом.

Затем он почувствовал запах вампира. Герберта из Орильяка. Второй запах принадлежал ведьме.

В каменном коридоре послышались легкие, но уверенные шаги, вернувшие Маркуса из воспоминаний о недавнем прошлом в настоящее. Тяжелая дверь, как всегда, открылась со скрипом.

— Привет, дорогая, — произнес Маркус, отрываясь от созерцания полей и холмов Оверни.

Запах вошедшей Фиби Тейлор напоминал ему аромат кустов сирени, что росли сразу за ярко-красной дверью дома его настоящих родителей. Тонкий и в то же время неотступный, этот запах символизировал надежду на весну, сменившую долгую зиму в Массачусетсе. Запах напоминал Маркусу понимающую улыбку давно умершей матери. Однако сейчас запах сирени ассоциировался у него только с этой молодой хрупкой женщиной. Хрупкость была обманчивой: Фиби обладала железной волей.

— Все пройдет хорошо.

Фиби встала на цыпочки и поправила ему воротник. Ее оливковые глаза были полны сострадания. Познакомившись с Фиби, Маркус стал одеваться строже. Футболки с эмблемами рок-групп сменились рубашками. И подписывался он теперь не «Маркус Уитмор», а «Маркус де Клермон». Так он представился Фиби, впервые придя к ней на работу. Через некоторое время он рассказал ей о вампирах, своем отце-создателе, чей возраст насчитывал полторы тысячи лет, о французском замке, полном опасных родственников по вампирской линии, и о ведьме по имени Диана Бишоп. Реакция Фиби граничила с чудом: она осталась рядом с Маркусом.

— Вот здесь ты ошибаешься, — запоздало отозвался Маркус, поцеловав ей руку; Фиби знала о Мэтью только с его слов. — Прошу тебя, держись рядом с Натаниэлем и остальными.

— Маркус Уитмор, в последний раз заявляю тебе: когда ты выйдешь поздороваться с отцом и его женой, я буду стоять рядом с тобой. По-моему, нам незачем дальше обсуждать этот вопрос. Или ты все же намерен? — поинтересовалась Фиби, протягивая ему руку.

Маркус взял протянутую руку. Фиби думала, что сейчас они вместе выйдут, однако Маркус крепко обнял ее. Одна рука Фиби утонула в его ладони, а другую он прижал к своему сердцу. Жест Маркуса ее удивил.

— Хорошо, Фиби. Ты пойдешь вместе со мной, но с определенными условиями. Первое: ты постоянно будешь находиться возле меня или Изабо.

Фиби открыла рот, приготовившись возражать, но серьезный взгляд и тон Маркуса утихомирили ее.

— Второе: если я попрошу тебя уйти, ты это сделаешь, причем сразу же, не задавая вопросов. Иди прямо к Фернандо. Он будет либо в часовне, либо на кухне. — Маркус пристально посмотрел на Фиби и увидел признаки настороженного согласия. — И третье: ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не приближайся к моему отцу на расстояние вытянутой руки. Договорились?

Фиби кивнула. Она выросла в семье дипломатов и, как всякий хороший дипломат, была готова подчиниться правилам Маркуса. Но если отец Маркуса действительно окажется чудовищем (а кое-кто здесь, похоже, так и думал), Фиби поступит так, как должна.

Когда картофельные ломтики на сковороде зарумянились, Фернандо Гонсалвиш накрыл их взбитыми яйцами. Его испанская тортилья была одним из немногих кушаний, которые Сара Бишоп соглашалась есть. Сегодня ей как никогда требовались телесные силы. Фернандо мысленно называл ее вдовой, хотя она потеряла не мужа, а интимную подругу.

Галлоглас сидел за кухонным столом, выковыривая из старинных досок кусочки старинного воска. Светлые волосы почти до плеч и мускулистая фигура делали его похожим на угрюмого медведя. Плечи и руки Галлогласа покрывали узоры татуировки. Узоры отражали мысли, владевшие им в настоящее время, поскольку на коже вампиров татуировка держалась всего несколько

месяцев. В данный момент он думал о своих корнях, что явствовало из кельтских узлов, рун и изображений сказочных чудовищ, почерпнутых в скандинавских и гэльских мифах и легендах.

— Да успокойся ты, — посоветовал ему Фернандо; голос повара был теплым и выдержанным, словно шерри в дубовых бочках.

Галлоглас поднял голову и тут же снова занялся выцарапыванием воска из щелей.

— Пойми, Галлоглас: никто не уберезет Мэтью от того, что он должен сделать. Отомстить за смерть Эмили — вопрос чести.

Фернандо выключил плиту и, на ходу отворачивая рукава белой рубашки, которая даже после нескольких часов, проведенных на кухне, оставалась безупречно чистой, направился к столу, где сидел Галлоглас. Босые ноги бесшумно двигались по каменным плитам пола. Заправив рубашку в джинсы, Фернандо запустил руки в свои темные курчавые волосы.

— Ты же знаешь, Маркус пытается взять вину на себя, — сказал Галлоглас. — Но парень совсем не виноват в смерти Эмили.

Если не знать, что происходило на вершине горы, вся сцена выглядела удивительно тихой и спокойной. Галлоглас достиг развалин храма вскоре после Маркуса. Да, только тишина и фигура Эмили Метер. Ведьма стояла на коленях внутри круга, граница которого была обозначена белыми камешками. Рядом находился колдун Питер Нокс. Его руки лежали на голове Эмили, а на лице застыло выражение предвкушения и даже голода. Был и зритель — Герберт из Орильяка, ближайший из соседей-вампиров. Он с интересом смотрел на происходящее.

— Эмили!

Отчаянный крик Сары взорвал тишину. Он был настолько сильным, что даже Герберт попятился назад.

Нокс, вздрогнув, отпустил Эмили, и она без сознания рухнула на землю. Сара атаковала колдуна всего одним, но очень могущественным заклинанием, отчего Нокса буквально сдуло с вершины.

— Нет, Маркус ее не убивал, — сказал Фернандо, вновь заставив Галлогласа поднять голову. — Но его небрежность...

— Неопытность, — перебил повара Галлоглас.

— Небрежность, — повторил Фернандо, — сыграла роль в этой трагедии. Маркус это знает и принимает ответственность на себя.

— Маркус не рвался в главные! — глухо прорычал Галлоглас.

— Да. Это я предложил его кандидатуру. Мэтью согласился, посчитав такое решение правильным.

Фернандо легко сжал плечо Галлогласа и вернулся к плите.

— Так ты поэтому появился здесь? Чувствуешь свою вину за отказ возглавить братство, когда Мэтью просил тебя о помощи?

Сильнее всех появление Фернандо в Сет-Туре удивило Галлогласа, ведь Фернандо сторонился замка с XIV века, когда погиб Хью де Клермон, отец Галлогласа.

— Я здесь, потому что в свое время, когда французский король казнил Хью, Мэтью бросил все и примчался меня поддерживать. Я тогда был совсем один, если не считать моего горя. — Голос Фернандо сделался хриплым. — А возглавить орден Рыцарей Лазаря я отказался, потому что не являюсь де Клермоном.

— Ты был интимным другом, истинной парой моего отца, — возразил Галлоглас. — Ты такой же де Клермон, как Изабо или ее дети!

Фернандо осторожно закрыл дверцу духовки.

— Я остаюсь истинной парой твоего отца, — не поворачиваясь к Галлогласу, сказал он. — И твой отец никогда не станет для меня тем, о ком говорят в прошедшем времени.

— Прости, Фернандо, — пробормотал потрясенный Галлоглас.

С момента гибели Хью прошло почти семьсот лет, но Фернандо так и не оправился от потери. «И вряд ли когда-нибудь оправится», — подумал Галлоглас.

— А что касается моей принадлежности к де Клермонам, — продолжал Фернандо, по-прежнему глядя в стену над плитой, — Филипп возражал против этого.

Галлоглас возобновил свое нервное занятие. Пространство вокруг него заполнялось темными катышками воска. Фернандо налил два бокала красного вина и поставил их на стол.

— Выпей лучше, — сказал он, протягивая бокал Галлогласу. — Тебе сегодня тоже понадобятся силы.

В кухню стремительно вошла Марта, домоправительница Изабо. В этой части замка хозяйкой была она и очень не любила, когда кто-нибудь вторгнулся на ее территорию. Недовольно поглядев на Галлогласа и Фернандо, Марта принялась и рванула дверцу духовки.

— Это же моя лучшая сковородка! — с упреком воскликнула Марта.

— Знаю. Потому и взял ее, — ответил Фернандо, делая глоток.

— А тебе, дон Фернандо, вообще нечего делать на кухне. Иди наверх. И Галлогласа с собой заведи.

С полки над мойкой Марта сняла чайник и пакет с чаем. Затем взгляд ее упал на соседний столик, где вместе с чашками, блюдами, кувшином молока и сахарницей на подносе стояла кастрюля, обернутая кухонным полотенцем. Марта нахмурилась еще сильнее.

— Чем тебе мешает мое присутствие? — спросил Фернандо.

— Ты к слугам не относишься.

Марта развернула полотенце, подняла крышку и с явным неодобрением принялась к содержимому кастрюли.

— Любимое блюдо Дианы. Помнишь, я спрашивал, какие блюда она любит, и ты мне рассказала? — Фернандо печально улыбнулся. — В этом замке все служат де Клермонам. Единственная разница, что тебе, Алену и Виктуар за это щедро платят. Остальные, похоже, должны быть благодарны за предоставленную привилегию.

— С полным основанием. Другие *манжасаны*¹ мечтают стать частью этой семьи. Постарайся не забыть об этом в будущем и не свалить дурака, дон Фернандо, — сказала Марта, сделав особый упор на его знатном титуле. Она взяла чайный поднос, невозмутимо добавив: — Кстати, твоя яичница подгорает.

Фернандо помчался к плите.

Черные глаза Марты остановились на Галлогласе.

— А ты не сказал нам всего, что должен был рассказать о Мэтью и его жене.

Галлоглас виновато уткнулся взглядом в бокал с вином.

— Мадам бабушка разберется с тобой позже, — ледяным тоном произнесла Марта и удалилась из кухни.

— Что еще ты натворил? — спросил Фернандо, убедившись, что Марта соврала и его тортилья — хвала Всевышнему — ничуть не подгорела.

Долгий опыт общения с Галлогласом подсказывал Фернандо: какой бы хаос ни устраивал этот шотландец, намерения у него были самые добрые, а о возможных последствиях он попросту не думал.

¹ Окситанское слово «манжасан» означает «пожиратель крови», «кровопийца». Аналог слова «вампир».

— Видишь ли, — начал Галлоглас, растягивая гласные так, как только шотландцы это умеют, — в повествовании я кое-что упустил.

— Например?

Среди привычных кухонных ароматов ноздри Фернандо уловили запах беды.

— То, что тетушка Диана беременна, и не от кого иного, как от Мэтью. Я умолчал, что дед признал ее своей дочерью. Боже, его клятва на крови была просто оглушительной! — Галлоглас выглядел потрясенным. — Думаешь, мы и сейчас сможем ее услышать?

Фернандо стоял с разинутым ртом.

— Не смотри на меня так! — огрызнулся Галлоглас. — Мне показалось неуместным рассказывать о ребенке. Ты знаешь, как женщины относятся к подобным темам. А о клятве на крови Филипп рассказал тетушке Верене в тысяча девятьсот сорок пятом году, перед своей смертью. С тех пор она ни словом не обмолвилась! — добавил Галлоглас, будто оправдываясь.

Воздух в кухне задрожал, словно где-то взорвалась бесшумная бомба. Мимо окна пронеслось что-то огненно-зеленое.

— Это что еще за чертовщина?

Фернандо распахнул дверь кухни, заслоня глаза от яркого солнца.

— Думаю, это была невероятно разозленная ведьма, — хмуро ответил Галлоглас. — Скорее всего, Сара уже сообщила Диане и Мэтью о смерти Эмили.

— А мне показалось, будто что-то взорвалось. Но это не взрыв. Смотри туда!

Фернандо указал на колокольню церкви в Сен-Люсьене. Вокруг нее летало двуногое огнедышащее существо. Галлоглас встал, присмотрелся.

— Это Корра. Неразлучная спутница тетушки Дианы, — равнодушно произнес он.

— Но это же дракон! — выкрикнул Фернандо, глядя на пасынка бешеными глазами.

— То-то и оно, что не совсем дракон. Разве не видишь, что у нее всего две лапы, а не четыре? Корра — огнедышащая дракониха.

Галлоглас повернул руку, показывая Фернандо татуировку крылатого существа, здорово напоминающего летающую тварь.

— В общем-то, я и о Корре умолчал. Не стал пугать почтеннейшую публику. Лишь предупредил, что тетушка Диана вернется из прошлого изменившейся ведьмой.

— Дорогая, это правда. Эм умерла.

Несколько слов, сказанных Диане и Мэтью, обернулись для Сары сильнейшим стрессом. Ей даже привиделся дракон. Прав был Фернандо: ей нужно расставаться с виски.

— Я тебе не верю! — выкрикнула Диана.

Голос племянницы был высоким, пронзительным, грубым от охватившей ее паники. Диана принялась обыскивать большую гостиную Изабо, словно Эмили могла прятаться за спинкой одного из витиеватых барочных диванчиков.

— Диана, Эмили здесь нет. — Приглушенный голос Мэтью был полон нежности и сострадания. — Она покинула наш мир, — добавил он, подходя к жене.

— Нет! — Диана попыталась оттолкнуть мужа и продолжить поиски, но Мэтью схватил ее за руки.

— Сара, прими мои глубокие соболезнования, — сказал Мэтью, крепко прижимая Диану к себе.

— Не смей говорить о соболезнованиях! — взвизгнула Диана, пытаясь вырваться из цепкой хватки вампира; ее кулак молотил Мэтью по плечу. — Эм не умерла! Это просто кошмар! Мэтью, пожалуйста, разбуди меня. Я хочу проснуться и убедиться, что мы по-прежнему в тысяча пятьсот девяносто первом году.

— Это не кошмар, — тихо возразила Сара.

Несколько долгих недель убедили ее, что смерть Эм — ужасающая реальность.

— Значит, я сделала неверный поворот. Или плохо завязала узел в заклинании обратного путешествия. Такое не могло случиться в месте нашего возвращения! — Диану всю трясло от горя и шока. — Эм обещала мне: она никогда не покинет этот мир, не простившись!

— Эм не успела проститься ни с кем. Но это не значит, что она тебя не любила. — Эти слова Сара твердила себе по сто раз на дню.

— Диане лучше присесть, — сказал Маркус, выдвигая стул.

Во многом сын Мэтью оставался таким же, каким Диана увидела его впервые, когда в конце октября прошлого года он вдруг

появился на крыльце дома Бишопов: парнем лет двадцати пяти, заядлым путешественником по Интернету. И кожаный шнурок со странными вещичками, собранными за несколько веков, по-прежнему болтался в его светлых волосах, стучась о затылок. На ногах — все те же любимые им хайтопы фирмы «Конверс». Новым был сдержанный, печальный взгляд.

Хорошо, что сейчас рядом с Сарой находились Маркус и Изабо. Она была им благодарна за поддержку. Но в ком она нуждалась сильнее всего, так это в Фернандо — твердая скала среди волн хаоса, в который превратилась ее жизнь.

— Спасибо, Маркус, — произнес Мэтью, усаживая Диану.

Фиби попыталась дать ей стакан воды. Поймав отсутствующий взгляд Дианы, Мэтью молча взял у девушки стакан и поставил на столик.

Глаза всех были устремлены на Сару.

Сара не умела выступать перед аудиторией. В отличие от Дианы, ей не приходилось читать лекции. Диана бы знала, как соединить противоречивые события в последовательный рассказ, имеющий начало, середину и конец. Возможно, племянница даже представила бы убедительное объяснение причин смерти Эмили.

— Мне очень трудно рассказывать вам об этом, — начала тетка Дианы.

— Тебе не надо рассказывать все сразу. — Глаза Мэтью были полны сострадания и поддержки. — Объяснения подождут.

— Нет. Вы оба должны это знать.

Сара потянулась за стаканом с виски, который обычно находился где-то рядом. Но сейчас его не было. Тогда она с молчаливой мольбой посмотрела на Маркуса.

— Эмили умерла в развалинах старого храма, — начал Маркус, взяв роль рассказчика на себя.

— Храма, посвященного богине? — шепотом спросила Диана. Она морщила лоб, заставляя себя сосредоточиться.

— Да, — ответила Сара и закашлялась, прогоняя комок в горле. — Эмили проводила там все больше времени.

— Она была там одна?

Из сочувственного и понимающего лицо Мэтью сделалось каменным. И вопрос он задал ледяным тоном.

В гостиной вновь установилось тяжелое, неловкое молчание.

— Эмили не позволяла никому ходить с ней. — Сара заставляла себя говорить только правду, ведь Диана тоже была ведьмой и легко узнала бы, где и в чем тетка отошла от истины. — Маркус пробовал ее убедить. Говорил, что ходить одной опасно, но Эмили отказывалась.

— Но почему ей хотелось одиночества? — спросила Диана, сразу улавливая в голосе тетки смущение и какую-то недосказанность. — Что здесь вообще происходило?

— Где-то с января Эм стала обращаться к высшей магии за советом и водительством. — Сара отвернулась; ей было невозможно видеть потрясенное лицо племянницы. — Эм стали донимать жуткие предчувствия смерти и несчастий. Она рассчитывала с помощью магии узнать их причину.

— Но Эм всегда сторонилась высшей магии, поскольку считала ее слишком опасной для ведьм. — Диана говорила все громче. — Эм была осторожной в таких делах. Я помню ее слова о том, что ведьмы, заигрывающие с высшей магией, на собственном горьком опыте убеждаются, до чего это опасно.

— Она это знала на собственном опыте, — вздохнула Сара. — Высшая магия способна затягивать. Эмили не хотела посвящать в это тебя, но ритуалы высшей магии влекли ее к себе. Она уповала на твердость собственной воли. Со времен юности она не брала в руки гадательный камень и не пыталась вызвать духа.

— Вызвать духа? — удивился Мэтью.

Его глаза превратились в щелочки. Темная борода делала его облик по-настоящему пугающим.

— Мне думается, она пыталась найти дух Ребекки. Знай я, как далеко она зашла в этих попытках, то проявила бы больше настойчивости, чтобы ее остановить. — В глазах Сары заблестели слезы. — Должно быть, Питер Нокс учуял силу, с которой общалась Эмили. Высшая магия всегда завораживала и притягивала его. И когда он нашел Эм...

— Нокс? — тихо переспросил Мэтью, но от его вопроса волосы на затылке Сары встали дыбом.

— Когда мы нашли Эм, там были и Нокс с Гербертом, — пояснил Маркус, болезненно морщась. — У Эмили случился тяжелейший сердечный приступ. Скорее всего, она напрягла все силы, противясь действиям Нокса. К тому моменту в ней едва теплилось сознание. Я пытался оживить Эмили. Сара тоже. Но наши усилия не помогли.

— Зачем Герберт и Нокс явились сюда? И что Нокс рассчитывал получить, убивая Эм? — выкрикнула Диана.

— Дорогая, я сомневаюсь, что Нокс пытался убить ее, — ответила Сара. — Нокс считывал мысли Эм или старался их прочесть. Вот ее последние слова: «Я знаю тайну „Ашмола-782“, и вам никогда не завладеть манускриптом».

— «Ашмола-782»? — переспросила Диана, испытав новое ошеломление. — Ты уверена?

— Целиком и полностью.

Лучше бы ее племянница не находила этот проклятый манускрипт в Бодлианской библиотеке. Он был причиной большинства их нынешних бед, включая и смерть Эм.

— Нокс утверждал, что де Клермоны владеют утраченными страницами из Дианиного манускрипта и знают его тайны, — включилась в разговор Изабо. — Мы с Вереной сказали ему, что он ошибается. А потом он увидел маленькую Маргарет и забыл про манускрипт.

— Натаниэль и Софи последовали за нами к развалинам храма. Софи взяла с собой Маргарет, — пояснил Маркус, увидев изумленный взгляд отца. — Чувствовалось, что Эмили вот-вот потеряет сознание. В этот момент Нокс увидел Маргарет и потребовал объяснений, почему у двух демонов родилась ведьма. Он стал угрожать, что заберет Маргарет, предъявит ее Конгрегации и начнет давно назревшее расследование о «серьезных нарушениях» закона. Пока мы старались оживить Эмили и поскорее вернуть Маргарет в замок, Герберт и Нокс улизнули.

Вплоть до недавнего времени Сара относилась к Конгрегации и завету как к необходимому злу. Демонам, вампирам и ведьмам было нелегко жить среди людей. Все три породы испытывали на себе последствия человеческого страха и агрессии; просто в одни периоды истории больше доставалось демонам, в другие — ведьмам и вампирам. И тогда, в сравнительно давние времена, был установлен завет — своеобразный свод законов, позволяющих отвести внимание людей от нечеловеческих пород и свести к минимуму риск столкновения. Завет запрещал близкие и даже дружественные отношения между породами, а также вмешательство в человеческую политику и все религии людей. Надзорным органом, следящим за соблюдением завета, стала Конгрегация, состоящая из девяти членов — по три от каждой породы. Но те-

перь, когда Диана и Мэтью вернулись из прошлого, Саре стало наплевать на Конгрегацию. Конгрегация могла отправляться в преисподнюю, прихватив с собой и завет.

Диана резко повернула голову. На лице мелькнуло изумление.

— Галлоглас? — прошептала она, вдыхая знакомый запах моря.

— С возвращением, тетушка.

Галлоглас пошел к Диане. Везде, где на его бороду падали солнечные лучи, она вспыхивала золотистым огнем. Диана смотрела на племянника и вдруг дала волю слезам.

— Ну, будет плакать, — произнес Галлоглас, заключая ее в медвежьи объятия. — Давненько женщины не плакали при виде меня. И уж если на то пошло, это я сейчас должен реветь во весь голос от нашей встречи. Ты со мной встречалась всего несколько дней назад. А по моим меркам с тех пор прошло несколько веков.

Вокруг тела Дианы появилось непонятное свечение. Она вдруг стала похожа на медленно разгорающуюся свечу. Сара заморгала. Нет, нужно пойти и хорошенько проспать. И больше — ни капли виски.

Мэтью с племянником переглянулись. Поток слез из глаз Дианы нарастал, а вместе с ним усиливалось таинственное свечение. Мэтью смотрел на жену со все большей тревогой.

— Мэтью проводит тебя наверх, — сказал Галлоглас.

Он протянул Диане мятый желтый шейный платок, заслонив ее от собравшихся.

— Что с ней? — спросила Сара.

— Устала немного, только и всего, — ответил Галлоглас.

Без дальнейших пояснений они с Мэтью увели Диану в башню.

После ухода Дианы Сара больше не могла сдерживаться и заплакала. Она каждый день заново переживала смерть Эмили, но делала это наедине с собой. Говорить об этом вслух, да еще Диане, оказалось настоящей пыткой. В гостиную вошел Фернандо. Вид у него был встревоженный.

— Ты поплачь, Сара. Легче будет, — сказал он, прижимая ведьму к себе.

— Мне так нужна была твоя поддержка! Где тебя носило? — спросила Сара, у которой плач перешел в рыдания.

— Зато сейчас я с тобой, — ответил Фернандо, нежно укачивая ее. — А Диана и Мэтью благополучно вернулись домой.

— Мне никак не остановить дрожь.

У Дианы стучали зубы. Руки и ноги дергались так, словно их тянули за невидимые ниточки. Галлоглас стоял с поджатыми губами и смотрел, как Мэтью укутывает жену одеялом.

— Ты испытала шок, топ соеиг, — тихо сказал Мэтью, поцеловав Диану в щеку.

Он понимал: произошло наложение трагедий. Известие о смерти Эмили пробудило травматические воспоминания о потере родителей. Мэтью стал массировать Диане руки.

— Галлоглас, принеси вина, — попросил он племянника.

— Мне нельзя. Наши малыши... — начала Диана, и ее лицо вновь скривилось в горестной гримасе, вернулись и слезы. — Они никогда не увидят Эм. Наши дети будут расти, зная об Эм лишь по нашим рассказам.

— Держи.

Галлоглас бросил Мэтью серебряную фляжку. Мэтью ловко поймал ее и кивком поблагодарил племянника.

— Это даже лучше. — Мэтью отвинтил крышку. — Диана, сделай глоток. Всего один глоток. Нашим двойняшкам это не повредит, а тебе поможет успокоиться. Я велю Марте заварить для тебя крепкий черный чай и положить туда побольше сахара.

— Я убью Питера Нокса, — свирепо заявила Диана, глотнув виски.

Свечение вокруг нее стало еще ярче.

— Только не сегодня, — твердо возразил Мэтью, возвращая фляжку Галлогласу.

— Никак после вашего возвращения тетушкино свечение стало еще ярче?

Галлоглас не видел Диану Бишоп с 1591 года, но он не помнил, чтобы тогда ее свечение было столь заметным.

— Да, — ответил ему Мэтью. — Пока добирались сюда, Диана маскировала свечение особым заклинанием. — Он подхватил Диану на руки и отнес на диван. — Ей хотелось ошеломить Эмили и Сару вестью о том, что они станут бабушками. И сделать это она намеревалась в первые же минуты, пока тетки не начали забрасывать ее вопросами о возросшей магической силе.

Галлоглас подавил ругательство, готовое сорваться с его губ.

— Тебе лучше? — спросил Мэтью, целуя Диане пальцы.

Диана кивнула. Ее зубы продолжали выстукивать дробь. Галлоглас внутренне содрогнулся, поняв, каких усилий ей сейчас стоило владеть собой.

— Я глубоко скорблю о смерти Эмили, — сказал Мэтью, касаясь ладонями лица Дианы.

— А если это наша вина? Вдруг мой отец был прав и мы своим затянувшимся пребыванием в прошлом нарушили законы?

Шепот Дианы был едва различимым даже для острого слуха Галлогласа.

— Ни в коем случае, — торопливо ответил Галлоглас. — Это сделал Питер Нокс. И больше никто не виноват в случившемся.

— Давай сейчас не будем искать виноватых, — сказал Мэтью, но у самого глаза были злыми.

Галлоглас понимающе кивнул. Потом он подробно расспросит Мэтью и о Ноксе, и о Герберте. Но сейчас дядю волновало состояние жены.

— Эмили посоветовала бы тебе заботиться о Саре и себе самой. Пока этого достаточно.

Мэтью отвел медные пряди Дианы, приклеившиеся к ее щекам из-за соленых слез.

— Мне нужно спуститься к Саре, — заявила Диана, вытирая глаза желтым платком Галлогласа. — Ей требуется моя поддержка.

— Полежи здесь еще немного. Подождем, пока Марта не сделает чай.

Мэтью сел рядом. Диана привалилась к нему. Ее дыхание напминало икоту. Диана пыталась удержать слезы.

— Не буду вам мешать, — хмуро произнес Галлоглас.

Мэтью кивнул в знак благодарности:

— Спасибо, Галлоглас.

Диана протянула ему платок.

— Оставь себе, — сказал Галлоглас, выходя на лестницу.

— Мы одни. Тебе больше не надо сдерживаться, — сказал Мэтью, слушая, как затихают шаги Галлогласа.

Мэтью и Диана обнялись. Их тела переплелись, образовав узел, который не разрубить ничем. Лица обоих были искажены болью и страданием. Они дарили друг другу утешение, которое не могли обрести поодиночке.

«Я не имела права вызывать тебя сюда. Нужно было поискать иной способ получения ответов. — Эмили повернулась к своей самой близкой подруге, которую не видела почти тридцать лет. — Напрасно ты не осталась со Стивеном».

«Мне сейчас важнее быть рядом с дочерью, — ответила Ребекка Бишоп. — Стивен поймет».

Она вновь повернулась к дивану, на котором сплелись в скорбных объятиях Диана и Мэтью.

«Не бойся. Мэтью о ней позаботится», — сказал Филипп.

Ребекка Бишоп до сих пор оставалась для него загадкой, которую он пытался разгадать. Мать Дианы была невероятно вызывающей особой, а хранить тайны умела не хуже любого вампира.

«Они обязательно поддержат друг друга, — сказала Ребекка, прижимая руку к сердцу. — Я знала, что так и будет».

Глава 2

Мэтью неся вниз по винтовой каменной лестнице, соединявшей его башню с первым этажом замка. Он ловко обогнул скользкое место на тридцатой ступеньке и грубую каменную заплату на семнадцатой, где однажды, во время ссоры, меч Болдуина с чудовищной силой ударил в камень и выкрошил приличный кусок.

Эту башню Мэтью когда-то строил в качестве места уединения, где можно укрыться от нескончаемого шума и дел, постоянно окружавших Филиппа и Изабо. Вампирские семьи были большими и шумными, особенно когда два или больше родов собирались под одной крышей и пытались жить единой дружной стаей. Такое редко случалось среди хищников, даже тех, кто ходил на двух ногах и жил в прекрасных замках. В результате башня Мэтью строилась прежде всего как оборонительное сооружение. Она не имела дверей, приглушавших крадущуюся походку вампиров. Единственный вход служил и выходом. Никаких запасных лестниц. Столь тщательно продуманная планировка красноречиво свидетельствовала о характере отношений Мэтью с его вампирскими братьями и сестрами.

Но сегодня уединенность башни действовала на него угнетающе. Жизнь в Лондоне эпохи Елизаветы I заставляла их мечтать о тишине, так как их дом был постоянно полон теми, кого они считали семьей, слугами и друзьями. Должность шпиона королевы, которую занимал Мэтью, была опасной, но приносила свои плоды. Его тогдашнее членство в Конгрегации уберегло нескольких ведьм от виселицы. Диана начала пробуждать и совершенствовать свои ведьмины дарования. Они с Дианой даже взяли под опеку двух сирот, которым дали шанс на лучшее будущее. Жизнь в XVI веке не всегда бывала легкой, но их дни наполняла любовь и надежда. Надежда буквально следовала за Дианой по пятам.

В Сет-Туре же они попали в пространство, со всех сторон окруженное смертью и де Клермонами.

Это сочетание сделало Мэтью беспокойным. Когда Диана была рядом, он изо всех сил сдерживал свой гнев, однако тот угрожал вырваться на поверхность. Сделав Мэтью вампиром (и сыном в вампирском понимании родства), Изабо передала ему и опасную болезнь, именуемую *бешенством крови*. Болезнь эта накачивала приступами, порою внезапно, завладевая умом и телом вампира. Самообладание и доводы рассудка отступали на задний план. Стараясь ни в коем случае не поддаться бешенству крови, Мэтью неохотно согласился на время оставить Диану под присмотром Изабо, а сам, сопровождаемый Фаллоном и Гектором, его верными собаками, прогуляться по окрестностям замка. Мэтью необходимо было основательно прочистить голову.

В большом зале Галлоглас напевал старинную матросскую песню, какие сопровождали работы на парусных кораблях. По непонятной для Мэтью причине каждая строчка перемежалась ругательствами и ультимативными требованиями. Мэтью хотел было пройти мимо, но любопытство взяло верх, и он, немного помешкав, спросил племянника о причинах.

— Долбаная дракониха.

Из оружейной стойки у входа Галлоглас вытащил пику, которой сейчас медленно размахивал в воздухе:

— «Прости-прощай, испанские красотки». Спускай свою задницу вниз, не то бабуля сварит тебя в белом вине и скормит собакам. «В старушку Англию приказано нам плыть». У тебя что, мозгов не больше, чем у обкурившегося попугая? «И вряд ли свидимся, милашки, снова».

— Что ты тут вытворяешь? — спросил Мэтью.

Дико сверкая синими глазами, Галлоглас повернулся к дяде. Его черную футболку украшало изображение черепа со скрещенными костями. Сзади футболка была разорвана наискось: от левого плеча к правому бедру. Дыры на джинсах протерлись от долгой носки, а не от сражений. Волосы даже по меркам Галлогласа были всклокочены. Изабо наградила его прозвищем сэр Бродяга, но бабушкина ирония не повлияла на его внешний вид.

— Пытаюсь поймать зверюшку твоей жены.

Галлоглас вдруг метнул пику вверх. Послышался удивленный крик, и на пол, словно кусочки слюды, посыпались светло-зеле-

ные чешуйки. Светлые волосы на руках Галлогласа заблестели от мерцающей зеленой пыли. Он чихнул.

На галерее для музыкантов обосновалась Корра — огнедышащая дракониха, дух-хранитель Дианы. Цепляясь когтями за балюстраду, она неистово верещала, цокая языком. Увидев Мэтью, дракониха приветственно махнула шипастым хвостом, отчего в драгоценной шпалере, изображавшей единорога в саду, появилась дыра. Мэтью поморщился.

— В часовне я чуть ее не поймал. Возле алтаря, где узкое место. Ну, думаю, теперь не вывернешься. Но Корра — девка смышленная, — с оттенком гордости произнес Галлоглас. — Спряталась в верхней части могилы деда, крылышки распушила. Я сдуру и посчитал ее надгробным памятником. А теперь посмотри. Торчит под балками, довольная как черт. Бед от нее здесь вдвое больше. Видел, как она располосовала любимую шпалеру Изабо? Бабулю удар хватит.

— Если характером Корра целиком пошла в хозяйку, попытки загнать ее в угол добром не закончатся, — заметил Мэтью. — Лучше постарайся с ней поладить.

— Ну как же! Это с тетушкой Дианой можно поладить, но не с этой тварью, — фыркнул Галлоглас. — И что тебя угораздило выпустить Корру из поля зрения?

— Чем шумнее себя ведет дракониха, тем спокойнее Диана, — ответил Мэтью.

— Не спорю. Но Корра не канарейка, чтобы порхать в помещениях. Что ни день, то убыток. Не далее как сегодня она расколотила одну из бабушкиных севрских ваз.

— Если это была не синяя, с львиными головами, подарок Филиппа, я бы не стал особо волноваться.

Увидев лицо Галлогласа, Мэтью застонал и выругался:

— Merde!¹

— Вот и Ален сказал то же, когда узнал, — сообщил Галлоглас, опираясь на пик.

— Изабо придется смириться с утратой одного экземпляра из ее коллекции ваз, — вздохнул Мэтью. — Пусть Корру и не назовешь кроткой птичкой, сегодня Диана крепко спит. Впервые с момента нашего возвращения.

¹ Дерьмо! (фр.)

— Я же не спорю. Только убеди Изабо, что искусства Корры благотворно влияют на внутриутробное развитие бабулиных внуков. Скажи, пусть рассматривает гибель своих ваз как акт жертвоприношения. Я тоже считаю, что тетушке нужно хорошенько выспаться. А пока постараюсь чем-нибудь развлечь эту летучую мегеру.

— Это каким же образом? — скептически спросил Мэтью.

— Буду улаживать ее слух пением.

Галлоглас задрал голову. Корра, польщенная его вниманием, еще шире раскинула крылья. Теперь они отражали свет декоративных светильников в скобах, где когда-то пылали факелы. Посчитав это ободряющим знаком, Галлоглас набрал в легкие побольше воздуха и грянул новую балладу:

Голова идет кругом, я весь горю,
Влюбился, словно дракон.
Как имя ее? В ответ говорю...

Корра одобрительно защелкала зубами. Галлоглас улыбнулся. Его пика качалась, будто маятник метронома. Прежде чем петь дальше, он покосился на Мэтью:

Я без конца ей подарки слал,
Жемчугом, златом думал пронять.
Когда же запасы свои исчерпал,
Решил ее к черту послать¹.

— Удачи, — пожелал племяннику Мэтью, искренне надеясь, что Корра не понимает слов баллады.

Мэтью своим чутьем обследовал прилегающие помещения, попутно отмечая всех, кто там находился. Из семейной библиотеки доносился легкий запах лаванды и мяты. Хэмиш был там, занимался какой-то писаниной. Постояв немного у закрытой двери, Мэтью распахнул ее.

— Найдется минутка для старого друга? — спросил он.

— А я уж начал думать, будто ты сторонишься меня.

Хэмиш Осборн отложил перьевую ручку и ослабил галстук с по-летнему ярким цветочным орнаментом. У большинства муж-

¹ Это строчки из баллады «The Lover», написанной известным английским поэтом, композитором и певцом Чарльзом Дибдином (1745–1814). Галлоглас нарушил последовательность строк, поменяв их местами.

Харкнесс Д.

Х 21 Книга Жизни : роман / Дебора Харкнесс ; пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 672 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-13806-3

Мир ведьм, вампиров и демонов.

Рукопись, в которой хранятся секреты их прошлого и ключ к их будущему.

«Книга Жизни» завершает трилогию Деборы Харкнесс, признанную № 1 в списке бестселлеров «New York Times».

Вернувшись из елизаветинского Лондона в настоящее, Диана и Мэтью сталкиваются с новыми проблемами и старыми врагами. Ситуация осложняется тем, что Диана беременна двойней. В мире ведьм, вампиров и демонов любовь ведьмы Дианы и вампира Мэтью считалась запретной, а ее беременность и вовсе невозможной. Реальная угроза их будущему пока не раскрыта, а поиск таинственного манускрипта «Ашмол-782» и его недостающих страниц приобретает еще большую актуальность. Диана и Мэтью надеются, что манускрипт поможет им выяснить собственное происхождение и противостоять угрозам их союзу, который благословили звезды...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

ДЕБОРА ХАРКНЕСС КНИГА ЖИЗНИ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Редактор Ольга Давидова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Елена Терскова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.01.2019. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 42. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. e-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-AB8-21997-01-R